

Иегер О. Всеобщая история. – СПб.: Изд-во Т-ва А.Ф. Марксъ, 1894. – Т. 2. – 623 с.

Исхаков Д.М. Этнополитические контакты тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV веке // Сулеймановские чтения, 2001: Тез. докл. и сообщ. науч.-практич. конф. – Тюмень, 2002. – С. 80 – 81.

Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719 – 1720) // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1989. – Вып. 26. – С. 10 – 35.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 245 с.

Кренке Н.А., Макаров Н.А. Скандинавская фибула из Салехарда // РА. – 1995. – № 3. – С. 207 – 212.

Малоземова О.В. Торговля Руси с “югрой и самоядью”: исторические мифы и археологическая реальность // Россия и Восток: Археология и этническая история: Материалы IV Междунар. науч. конф. “Россия и Восток: проблемы взаимодействия”. – Омск, 1997. – С. 80 – 83.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 1999. – Т. 1. – 630 с.

Молодин В.И. Находка меча из Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. – 1976. – № 11: Сер. обществ. наук, вып. 3. – С. 125 – 127.

Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л.: Наука, 1970. – 184 с.

Плотников Ю.А. “Клады” Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 120 – 135.

Плотников Ю.С. Средневековый меч из Восточного Казахстана // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 150 – 154.

Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

Худяков Ю.С. Торговые пути, связывавшие Южную Сибирь и “Великий Шелковый путь” // Вестн. Хак. ун-та им. Н.Ф. Катанова. – Сер. 3, История. Право. – 1997. – Вып. 3. – С. 8 – 17.

Шафрановская Т.К. О сокровищах петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII века) // СЭ. – 1965. – № 2. – С. 147 – 156.

Яковлев Я.А. Еще одна находка западноевропейского средневекового искусства в Сибири // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: Тез. докл. X Западносибирского археол.-этногр. совещ. – Томск, 1995. – С. 212 – 215.

Brentjes B. Three vessels of metal and three mirrors in the Curiosa Sibirea by Danniell Gottlieb Messerschmidt // Journal of Central Asia. – 1986. – Vol. 9, № 2. – P. 5 – 7.

Brentjes B., Vasilievsky R.S. Schamanekrone im Weltbaum der Nomaden Nordasiens. – Leipzig: E.A. Seemann Verl., 1989. – 203 S.

Материал поступил в редколлегию 23.09.02 г.

О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ЗЕРКАЛЕ ИЗ РОГОЗИХИ-1

Введение

В женских захоронениях железного века Евразии нередко встречаются зеркала. Будучи предметами туалета и культа, они содержат в себе весьма ценную информацию о духовной жизни древних социумов. Большой интерес в этом плане представляет небольшая серия т.н. восточных музыкальных зеркал (“погремушки”) из курганов на территории Казахстана и Алтая. Первое из них было найдено С.И. Руденко в 1947 г. во Втором Пазырыкском кургане (Горный Алтай) в парном погребении знатного мужчины и его наложницы [Руденко, 1948, с. 42]. Второе зеркало обнаружено на р. Илек (Северный Казахстан) в мог. 5 кург. 8, где, по мнению К.Ф. Смирнова, были погребены две женщины-жрицы [1968, с. 116 – 121]. Третье зеркало-“погремушка” принадлежит к находкам, полученным автором статьи в 1985 г. при раскопках кург. 5 курганной группы Рогозиха-1 (степной Алтай). В 1994 г. при раскопках мог. 4 кург. 1 могильника Локоть-4 (предгорный Юго-Западный Алтай) П.И. Шульга обнаружил четвертое музыкальное зеркало. Все четыре зеркала идентичны по конструкции, каждое состоит из двух бронзовых позолоченных дисков (позолоты нет лишь на пазырыкском зеркале) с треугольными штырями для насадки рукояти. Диски скреплены тремя или семью заклепками. В центре тыльного диска возвышается конус, а вокруг него – два полых валика. Большая часть поверхности тыльного диска трех первых зеркал покрыта сложным резным орнаментом религиозно-магического содержания.

Зеркало найдено в ходе аварийных раскопок курганного могильника Рогозиха-1, который находится в 3 км к северо-западу от с. Рогозиха (Павловский р-н Алтайского края) в 60 км к западу-юго-западу от Барнаула (рис. 1). Памятник включает 26 курганов (четы-

ре-пять цепочек по пять-семь курганов в каждой), протянувшихся по линии юго-восток – северо-запад. Их насыпи 15 – 30 м в диаметре и высотой до 1,8 м были повреждены грабительскими раскопами, распахкой, частично поросли деревьями и кустарником.

Отрядом Барнаульского пединститута в составе экспедиции Алтайского госуниверситета было исследовано семь курганов северной цепочки могильника Рогозиха-1. Кург. 5, в котором найдено зеркало, расположен в юго-восточной части этой цепочки (рис. 2). Он имел земляную насыпь диаметром около 24 м, высотой 1,8 м. В насыпи четко просматривались две грабительские воронки диаметром 5 – 7 м и глубиной 1,2 м (рис. 3). Под насыпью оказались две могильные ямы, разрушенные почти до самого дна грабителями.

Могила 1 обнаружена в 4 м к юго-юго-востоку от мог. 2. Могильная яма прямоугольной формы, размерами (на уровне материка) 3,8 × 2,5 м. Ее глубина от уровня погребенной почвы равна 2,95 м. Могила ориентирована по длинной оси на западно-юго-запад – востоку-юго-восток. Размеры ямы по дну 3,5 × 2,1 м (за счет придонных уступов шириной 30 – 40 см). По периметру дна яма была обложена бревнами толщиной 10 – 12 см, а поверх уступа – перекрыта такими же бревнами вдоль.

Почти в центре ямы на дне найдены две синие бусины, половинка роговой пронизи с поперечным отверстием, массивная бронзовая ворворка и круглая бронзовая бляшка с перемычкой на обороте (рис. 4, 5). В западном углу ямы зафиксированы остатки заупокойной пищи – ребра и позвонки лошади, около них – обломок железного ножа, костяной трехгранный втульчатый наконечник стрелы с треугольными вырезами у основания пера (см. рис. 5, 7, 8). В южном углу ямы тыльной стороной вверх лежало зеркало, а чуть выше ножками вверх – алтарик прямоугольной

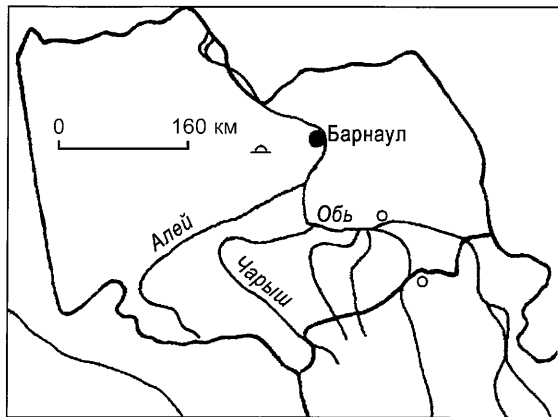

Рис. 1. Карта-схема расположения курганного могильника Rogozhka-1.

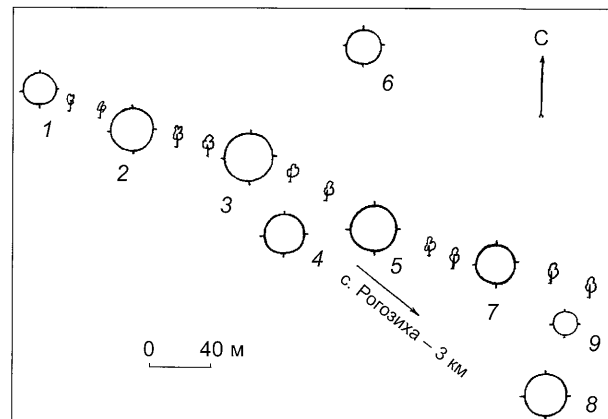

Рис. 2. План северной цепочки курганов Rogozhka-1 (цифры соответствуют номерам курганов).

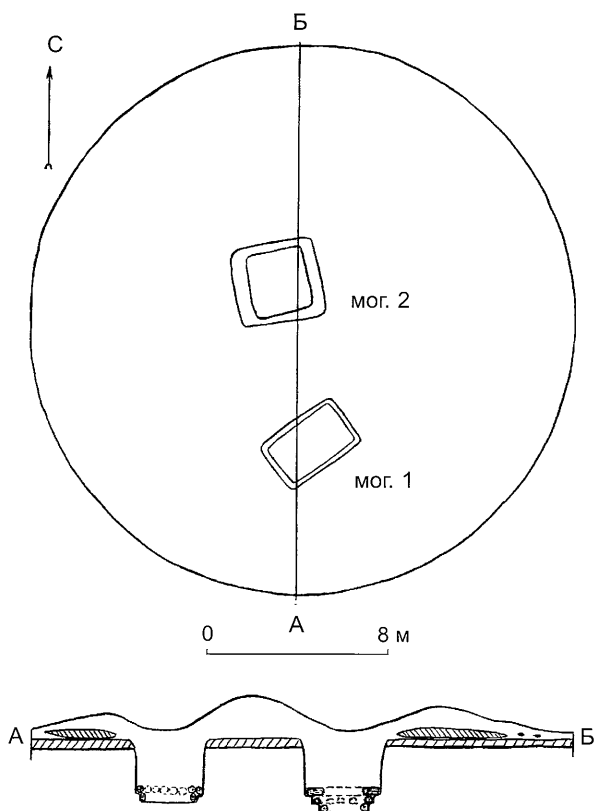

Рис. 3. План и разрез кург. 5 могильника Rogozhka-1.

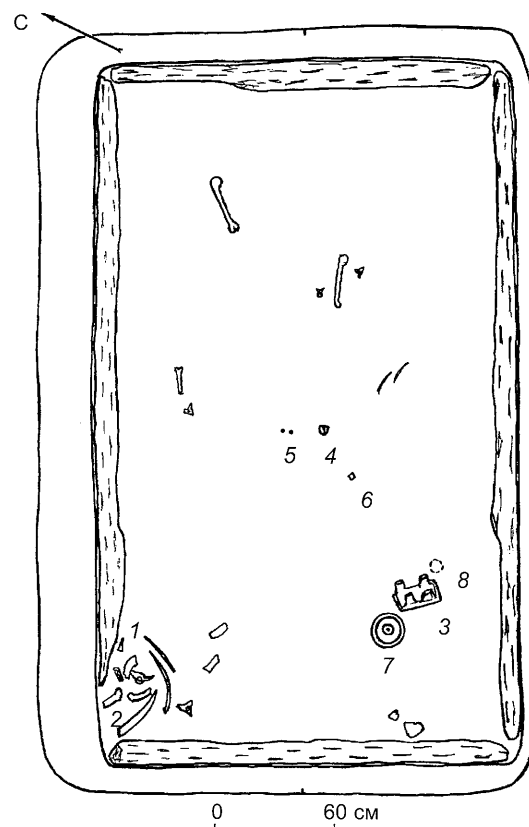

Рис. 4. План мог. 1 кург. 5 могильника Rogozhka-1. 1 – наконечник стрелы, 2 – нож, 3 – алтарик, 4 – ворворка и бляшка, 5 – две бусины, 6 – пронизка, 7 – зеркало, 8 – охра.

формы (размеры $17,5 \times 10,5$ см) из серого гранита на четырех цилиндрических ножках, рядом с ним находился кусок охры (рис. 6, 1). В заполнении могилы найдены фрагменты двух сосудов и еще одного алтарика (рис. 6, 2 – 4).

В центре насыпи грабительским раскопом размерами $3,6 \times 3,6$ м, глубиной до 3,2 м находилась мог. 2, фактически полностью уничтоженная. Установлено, что ее дно было обложено сосновыми бревнами толщиной до 0,18 м. На высоте 0,35 м от дна могилу пере-

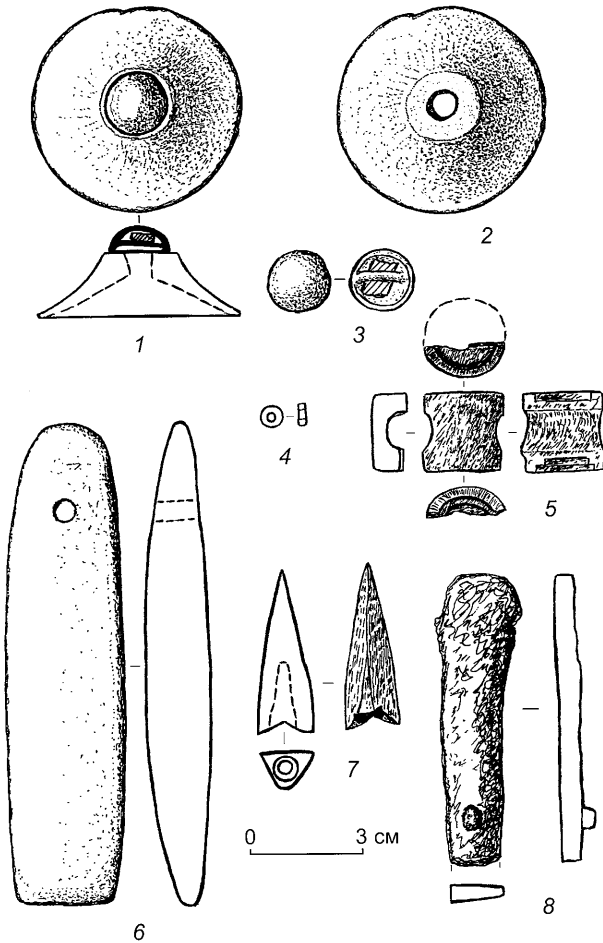

Рис. 5. Находки из могил 1 (1 – 5, 7, 8) и 2 (6) кург. 5 могильника Рогозиха-1.

1 – взаиморасположение ворворки и бляшки, 2 – ворворка, 3 – бляшки, 4 – бусина, 5 – пронизка, 6 – оселок, 7 – наконечник стрелы, 8 – рукоять ножа (?). 1, 2 – бронза; 3 – бронза, кожа; 4 – паста; 5, 7 – рог, кость; 6 – камень; 8 – железо.

крывали поперек полубревна шириной до 0,30 м, а на высоте 0,70 м – вдоль бревна толщиной 0,30 – 0,40 м. На уровне древнего горизонта имелось третье перекрытие. Дерево перекрытий лежало на уступах стенок ямы (ширина уступов от 10 до 50 см).

Могила 2 была полностью разграблена: кости человека (вероятно, мужчины) оказались выброшенными из ямы. В заполнении найдены каменный оселок, несколько неорнаментированных черепков и обломок венчика.

Зеркало и его семантика

Самой замечательной вещью в инвентаре мог. 1 кург. 5, безусловно следует признать зеркало-“погремушку” (рис. 7, 8), вне всякого сомнения, восточное по своему облику и происхождению. Его конструкция и художественная композиция уже подробно описа-

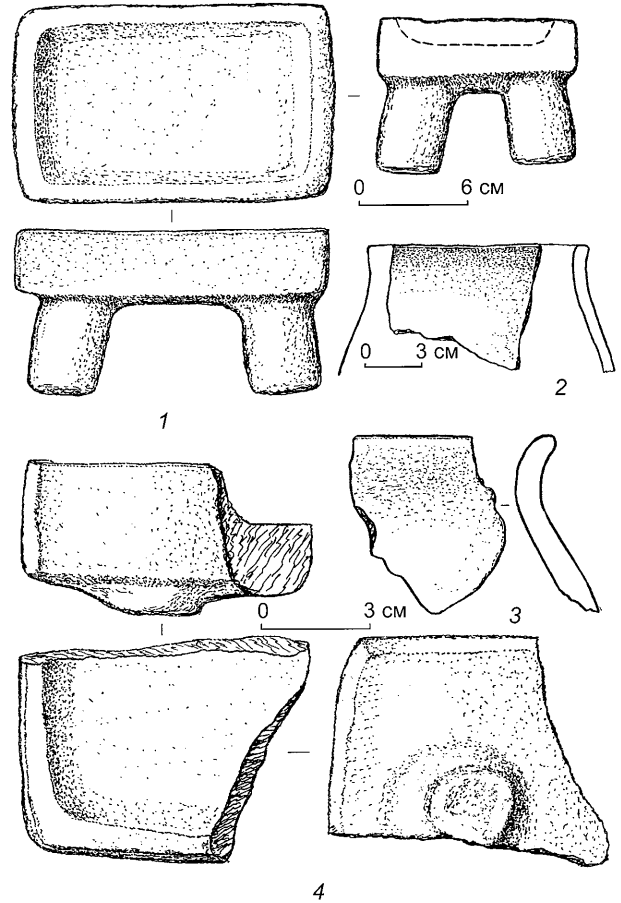

Рис. 6. Находки из мог. 1 (1, 2, 4) и 2 (3) кург. 5 могильника Рогозиха-1.

1 – алтарики, 2 – реконструируемый сосуд, 3 – фрагмент сосуда, 4 – обломок алтарика. 1, 4 – камень; 2, 3 – керамика.

ны [Уманский, 1992, с. 51 – 59; Уманский, Шульга, 1999, с. 56 – 79; и др.], поэтому их мы не будем рассматривать детально.

Зеркало состоит из двух круглых дисков (диаметр 151 и 152 мм) из высокооловянистой бронзы, скрепленных семью заклепками. Каждый с внешней стороны позолочен, в нижней части имеет треугольный штырь: склепанные двумя заклепками штыри должны были образовывать черенок, на который насаживалась роговая или костяная ручка. Черенок обломан (заметно место слома), ручка не сохранилась.

Лицевой диск зеркала отполирован до блеска и слабо тронут коррозией. Тыльный диск в нескольких местах покрыт пятнами окислов бронзы и кое-где разрушен коррозией, но орнамент на нем существенно не пострадал. Тыльный диск в отличие от лицевого плоского – рельефный. Рельеф образуют два поля шестиугольных в сечении концентрических вали-

ка: внешний расположен на расстоянии около 0,5 см от края зеркала, а внутренний – около 5 см. В центре диска имеется цельнолитой конический выступ, возвышающийся над валиками на 3 – 4 мм.

Тыльный диск зеркала богато орнаментирован. Почти по самому краю пуансоном нанесено 106 солярных значков (диаметр около 3,5 мм) с точкой в центре. На плоском поле между этим орнаментальным поясом и внешним валиком прочерчены три концентрические окружности. Между конусом и внутренним валиком слабо заметен нечетко выраженный третий валик. Еще две врезные окружности видны между конусом и внутренним валиком. Пространство между тремя окружностями заполнено насечками в виде елочки, вершина которой направлена по ходу движения солнца, а в поле между двумя окружностями заметны еще два орнаментальных пояса – один в виде зигзагов, а другой – из мелких косых насечек.

Орнаментация тыльного диска произведена чеканкой уже после золочения, мастер пользовался при этом пуансоном, циркулем и другими инструментами. На плоской поверхности тыльного диска между валиками изображена сложная сцена религиозно-мифологического содержания. Разгадать ее символику и семантику – задача будущего; мы ограничимся лишь описанием композиции и предварительными заключениями.

В середине верхней части тыльного диска имеется профильное изображение слона: у него большие полукруглые уши, толстый, но короткий хобот, длинный шерстистый хвост; большой миндалевидный глаз под широкой бровью, подтянутое брюхо и тонкие задние ноги (передние ноги как бы уходят под малый внутренний валик, а потому не видны). Маленькие бивни слона “растут” не из пасти, а из хобота (?). Голова и хобот животного украшены мелкими кружочками, а на ушах и хвосте показана шерсть. Большая часть крупа слона, вероятно, закрыта яркой попоной, шея и задние ноги, возможно частично, – броневыми пластинами (?). На спине видно низкое седло без луков; оно прикреплено широкой и, вероятно, нарядной подпругой. На седле стоит невзрачная на вид птица. Она изображена также в профиль (и слон, и птица развернуты вправо), точкой обозначен глаз, показано оперение на шейке, крыле и хвостике.

Перед хоботом слона изображена в полный рост антропоморфная фигура. Судя по узкой талии, широким бедрам, браслетам на руках и др., мастер стремился подчеркнуть женские черты этого персонажа. У данной “женщины”, в отличие от реальных людей, отсутствует нижняя челюсть, острый и длинный нос придает голове сходство с головой рыбы или птицы. Героиня запечатлена с согнутыми в локтях руками: левой она придерживает какой-то музыкальный щипковый инструмент вроде лютни или гуслей (?). На ее шее богатое ожерелье, на открытой груди – вероятно,

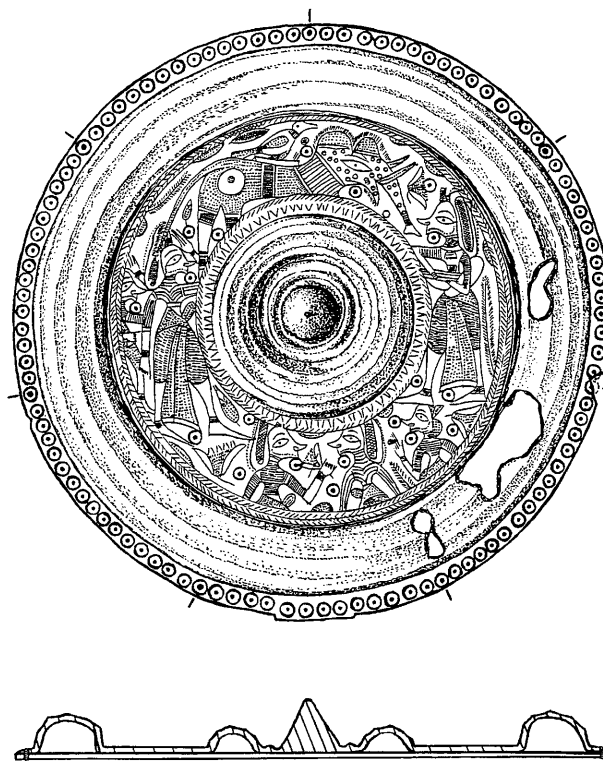

Рис. 7. Тыльный диск (общий вид) зеркала из могильника Рогозиха-1.

Рис. 8. Изображения на тыльном диске (деталь) зеркала из могильника Рогозиха-1.

дорогая подвеска, на ногах – скорее всего, бубенчики или колокольчики. Пальцами обеих рук “женщина” перебирает струны (видны четыре струны), поэтому ее следует назвать “музыкантшей”.

Напротив “музыкантши”, “лицом” к ней, также в полный рост изображен подобный персонаж. Фигура находится позади слона – хвост животного как бы перекрывает изображение. Левая рука с вытянутыми пальцами поднята вверх (в приветствии?), правая опущена вниз, пальцы сжаты в кулачок. Возможно, эта “женщина” запечатлена во время танца (пятки ее приподняты). Этот персонаж мы условно назвали “танцовщицей”. На ее руках браслеты, на ногах, видимо, бубенчики или колокольчики. За спиной “танцовщицы” видна часть еще одной “танцовщицы” с бубенцами на ноге и браслетами на руке.

Всех трех “женщин” мастер хотел изобразить, видимо, в пестрой, яркой одежде с рукавами до локтей и вырезом на груди и в “шароварах”, которые спускаются чуть ниже колен. Талия каждой героини обернута широким шарфом или кушаком, завязанным спереди простым узлом, при этом концы шарфа (кушака) спускаются спереди до самых щиколоток. У “женщин” сложные (“ярусные”) прически и высокие головные уборы, которые напоминают убор богини, оживляющей павшего в битве богатыря, на поясной бляхе из Сибирской коллекции Петра I [Грязнов, 1958, рис. 1]. (Кстати, на бляхе на Древе жизни показан щипковый струнный инструмент с тремя или четырьмя струнами.)

Ниже “танцовщиц” и “музыкантши” запечатлены еще три “женщины”, подобные описанным выше. Правда, они изображены не в полный рост (средняя показана почти по линии таза). Одна из них (левая) обращена “лицом” к двум правым. У этих “женщин” такие же, очевидно, яркие одеяния, как и у трех первых, тонкие талии и широкие бедра, огромные глаза под тонкими бровями, длинные и острые носы, сложные прически и головные уборы. Левая “женщина” в согнутой руке держит цветок лотоса и вдыхает его аромат; рука крайней правой героини согнута в локте и поднята вверх на уровень “лица”. Любопытно, что “музыкантша” как бы опирается правой ступней на голову крайней правой полуфигуры, а изображенная полностью “танцовщица” пальцами правой ноги – на головной убор левой полуфигуры. Совершенно очевидно, что все фигуры составляют единую композицию. Изобразительное пространство обрамлено ветвями пальм и других растений: на нем “разбросаны” цветы лотоса (у бивня слона, под ногами “музыкантши” и “танцовщиц”), а также нераскрывшиеся бутоны лотоса, ветви растений (перед левой голенью “танцовщицы”, между птицей и головой слона, между хвостом и задней ногой слона). Кроме того, по всему полю (на первый взгляд, совершенно произволь-

но) размещено два десятка солярных знаков. Самый большой с крупной точкой в центре находится на крупе слона и подчеркивает, по нашему мнению, особое место и значение животного в этой сцене. Средние по размерам значки с точками строго привязаны к определенным местам: под подбородком у “женщин”, под головами слона и птицы, около задних ног слона, ступней всех персонажей и правых плеч полуфигур. “Лишний” значок размещен у кончика носа крайней правой полуфигуры, что, по-видимому, неслучайно. Под хоботом слона солярный знак не имеет точки в центре, он меньше, чем остальные, по размерам. Наконец, еще 24 – 25 мелких значков (без точек) “покрывают” морду, бивни и хобот слона.

Изображение сделано с большим мастерством. Используя разные по размерам и типам чеканы, художник смог показать разнообразие узоров на тканях одежды, коврах попоны, а также подпруги, оперение птицы и пр.

Рогозихинское зеркало следует связывать со второй половиной пазырыкского времени [Уманский, 1992, с. 58]. Такое заключение сделано на основе дат для зеркала, точнее зеркал-“погремушек”, из Пазырыка-5 и Мечет-Сая. Особенно близко к рогозихинскому и по конструкции, и по сюжету изображений зеркало из Мечет-Сая: показанные на нем стоящие во весь рост “женщины” совершенно идентичны рогозихинским по позе (адорация), головным уборам, одеяниям, “лицам” и др., создается впечатление, что оба зеркала сделаны одним мастером [Смирнов, 1968, с. 116 – 121]. В последней работе, написанной вместе с П.И. Шульгой, мы приходим к выводу о том, что наиболее вероятная дата кург. 5 памятника Рогозиха-1, в котором найдено описанное зеркало, – вторая половина V в. до н.э. [Уманский, Шульга, 1999]. Вместе с тем, учитывая аналоги сосуду, алтарнику, ножу и др. предметам рогозихинского комплекса в материалах степного и Горного Алтая, а также Северного Казахстана, кург. 5 допустимо датировать IV и даже IV– III вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 55, 83 – 89; Уманский, 1992, с. 58].

Что касается определения социального статуса женщин, погребенных с зеркалами-“погремушками” (Пазырык, Мечет-Сай, Рогозиха-1, Локоть-4), то сводка разных суждений об этом приведена в работе П.И. Шульги [1997, 1999]. О независимом положении женщин в обществе скифской эпохи свидетельствуют, например, материалы из курганов середины и второй половины I тыс. до н.э. (Масляха-1, Камень II, Новотроицкое II и III и др.). Женские захоронения с зеркалами и алтариками обычно находятся в центре под насыпью кургана, вокруг располагаются могилы родственников погребенных, причем, как правило, с более бедным инвентарем. Следовательно, мнения о том, что в Пазырыке-2 погребены наложница и музыкант-

ша вождя [Руденко, 1953, с. 143], или музыкантши, или рабыни-музыкантши [Кузнецова, 1994, с. 86], следует признать ошибочными. Нельзя также согласиться с выводом о том, что зеркала-“погремушки” и их владелицы были военной добычей или предметами купли-продажи на Востоке [Марсадов, 1996, с. 72]. Мы не склонны считать комплекты таких зеркал и алтариков “косметическими наборами” знатных женщин-всадниц [Зуев, 1989, с. 61], если бы это было так, то женских погребений с названными предметами, по нашему мнению, было бы больше; пока найдено лишь четыре подобных зеркала-“погремушки”, а алтариков – многие десятки, гораздо чаще эти предметы встречаются по отдельности. Вслед за К.Ф. Смирновым [1968, с. 117 – 118] мы считаем женщин из могил с зеркалами-“погремушками” и алтариками служительницами культа – жрицами. Вероятно, прав П.И. Шульга, полагая, что этим предметам современники погребенных придавали особое значение, при разграблении могил их боялись трогать, наверное, опасаясь увидеть в зеркале свою душу (*атмана*); неслучайно в Рогозихе-1 и Локте-4, Раздумье IV (кург. 1) [Уманский, 1995, с. 112], Новотроицком II, III (правда, плоские) зеркала лежали лицевой стороной вниз.

Зеркало из Рогозихи-1, как отмечено выше, явно восточное по происхождению, но точно определить, откуда оно – из Передней или Южной Азии, трудно. Мы уже высказывали предположение, что родиной зеркала является Индия. Казалось, за это говорило многое – изображение индийского, по нашему мнению, слона с большими полукруглыми ушами, коротким хоботом, цветов и бутонов лотоса, передневносточная или южно-азиатская манера показывать большие миндалевидные глаза у людей и животных, типичная одежда “женщин” с длинными шарфами, концы которых спускаются до щиколоток, “ярусный” головной убор или прическа и др. Вместе с тем у слона маленькие бивни и “растут” они из хобота. Мастер либо хотел подчеркнуть, что изображает не реального, а священного слона, либо показать слона после мады (течки), во время которой животные худеют (ноги и туловище “рогозихинского” слона неправдоподобно тонкие), либо не знал натуры. Впрочем, возможно, на зеркале изображен т.н. благой слон.

Скорее всего зеркало сделано где-то за пределами Индии, но недалеко от нее. Мы убеждены в том, что символику и семантику его изображений невозможно разгадать без привлечения религиозной мифологии, богатейшего эпоса древней Индии.

Общепризнанно, что зеркало можно рассматривать как символ солнца, верховного животворящего начала на земле. Это его качество были призваны подчеркнуть начищенные диски из бронзы, серебра или их специально позолоченные поверхности, как бы символизирующие яркое сияние солнечного диска.

Но, вероятно, зеркало является не только символом солнечного божества. Прежде чем углубляться в этот вопрос, надо попытаться уяснить, разгадать смысл, содержание художественной композиции, выгравированной на тыльном диске.

Мы предполагаем, что мастер изобразил праздничное шествие с участием слона в нарядной попоне, в праздничном платье перед ним идет “музыкантша”, а сзади – “танцовщица”. Торжественные шествия с участием слонов известны в Индии с глубокой древности. Одно из них – парад войск некоего султана – описал в “Хождении за три моря” известный русский путешественник тверской купец Афанасий Никитин: сначала с султаном прошли 300 слонов, “наряженных в доспехах булатных и городки”, “на великих слонах” сидело по 12 воинов и на простых, обыкновенных, – по шесть. За султаном шествовал “благодный” слон, он “весь в камке, с железной цепью во рте... а перед ним певцы да плясцов много” [Никитин, 1948, с. 63]. В переводе публикаторов книги Афанасия Никитина “благодный слон” – “выученный слон” [Там же, с. 84]. Но в “Махабхарате” слова “благодный”, “благодные” означают умеренный, умеренные в пище, значит, поджарый, поджарые. Слон с рогозихинского зеркала вполне подходит под это определение: у него сравнительно тонкие ноги и круп, большая часть туловища его покрыта, должно быть, яркой попоной, шея и частично ноги – видимо, “булатными доспехами”, перед ним и за ним – плясуньи и “музыкантша”. Явно, что на зеркале изображен не парад, а какое-то праздничное шествие.

На первый взгляд, в сцене доминирует фигура слона. Но не его так радостно, с плясками приветствуют и забрасывают цветами, а птицу, которая стоит у него на седле. Что же это за птица? Афанасий Никитин упоминает о том, что в Индии есть “птица гукук, летает ночи, а кличет: гукук. А на которой хоромины сидеть, то тут человек умереть, кто ея хочет убить, ино у нея изо рта огонь выйдеть” [Там же, с. 16].

Можно предположить, что птица “гукук” – всем известная кукушка. На планете известно более 100 видов кукушек, около половины из них не строят собственных гнезд, не кормят и не выращивают своих птенцов, а, подкладывая яйца в гнезда других птиц, перекладывают на них заботу о своем потомстве. У индоевропейских народов кукушки – вешние птицы. В древней Индии к кукушке, как и к ветру, облаку, горе, реке, лебедю, обращались с разными просьбами и вопросами. Кукушка не относится к певчим птицам и способна лишь произносить единственный звук – “ку-ку”. Этим криком она якобы может предсказать, сколько лет осталось жить человеку. У индоевропейских народов кукушка ассоциировалась с предвозвестником несчастья, горя (кстати, и у русских есть поверье о том, что дом, на который сядет кукушка, обязательно сгорит), ее пророчество и появления

в поселениях бояться. По оперению, внешнему виду в целом кукушка похожа на свое изображение на зеркале. Возможно, рогозихинский сюжет своими корнями уходит в глубокую древность, в ведическую религию и литературу, когда (XXV – XV вв. до н.э.) риши-певцы разных племен Северо-Западной Индии слагали свои стихи и гимны в связи с различными празднествами, торжественными процессиями и пр. (в “Ведах” есть мифы о происхождении не только людей, животных, растений, но и многочисленных богов и даже Вселенной).

Обратимся к замечательному памятнику древнеиндийского героического эпоса “Махабхарате” (“Сказание о великой битве бхаратов”). Этот выбор объясняется тем, что “Махабхарата” была создана в начале I тыс. до н.э., а переработана в VI – IV вв. до н.э. В “Ведах” упоминаются лишь имена отдельных богов и героев “Махабхараты”, т.е. по времени создания этот эпос наиболее соответствует дате рогозихинских курганов; что касается “Рамаяны”, то она была написана позже, именно в первых веках новой эры, а потому ее сюжеты не могли быть использованы чеканщиком, жившим в V – IV вв. до н.э.

По нашему мнению, “музыкантша” и “танцовщицы” на рогозихинском зеркале могут быть отождествлены с апсарами “Махабхараты”. Апсары упоминаются еще в “Ведах”, но особенно часто о них говорится в “Махабхарате”. Апсары – небожительницы, божества низшего ранга. После Всемирного потопа Вишну извлек их со дна океана в числе других немногих существ, растений и пр. Видимо, поэтому апсар называют “водяницами”, вроде наших русалок, и постоянно подчеркивают, что они “рождены водой” (см.: [Махабхарата, 1984, 1989, и др.]). В разных книгах “Махабхараты” этих небожительниц характеризуют как “райских красавиц, нередко по велению богов соблазняющих отшельников, искусных плясунь”, “небесных нимф, куртизанок, танцовщиц”, “гетер” и т.п. “Ни боги, ни демоны, несмотря на красоту апсар, не захотели сделаться их супругами, и потому апсары сделались небесными служительницами свободной любви, часто снисходя и до смертных”. Апсары перечислены в числе немногих, кто имел право рвать лотосы в священном лotosовом озере, чтобы осыпать ими богов и героев, вероятно, поэтому в эпосе они изображены обычно с лotosами.

Предположение о том, что женоподобные существа на зеркале из Рогозики-1 представляют апсар древнеиндусской мифологии, строится на особенностях изображения их голов в профиль: длинные острые носы, крутые лбы при отсутствии нижних челюстей вызывают ассоциацию с головами водоплавающих птиц (утка, гусь и др.) либо рыб (сом, осетр и др.). И в этом сходстве, быть может, следует видеть черты апсар, указывающие на их “рождение из воды”.

Возможно, пунктиром показаны нижние челюсти апсар, они как бы прикрыты верхними губами, ведь именно так выглядят нижние челюсти у многих рыб.

Вероятно, что и три полуфигуры, находящиеся под ногами “музыкантши” и “танцовщицы”, судя по облику, тоже апсары – священные служительницы подземного царства. По функции их можно сравнить с греческими богинями судьбы Парками либо кельтскими Матронами, олицетворявшими три стадии жизни – юность, зрелость и старость.

С фигурами апсар связаны изображения бутонов и цветов лотоса, они выступают как атрибуты главных героинь. Красивые и необыкновенно ароматные лотосы, как известно, считались священными цветами на всем Древнем Востоке: не случайно и на зеркале из Рогозики-1 каждый бутон и каждый распустившийся цветок лотоса снабжен отдельным солярным значком. Особым почитанием цветы лотоса были окружены в Древнем Египте и Древней Индии. В религиозной мифологии, эпосе древних индусов их описывают как любимые цветы богинь. Цветами лотоса богинь буквально засыпали апсары, особенно щедро так приветствовали Великую Небесную Мать (или Деву). Этому соответствует сцена шествия, запечатленная на зеркале: здесь мы видим и бутоны, и уже распустившиеся цветы лотоса, как бы разбросанные по всему полю (только один из цветков держит в руке средняя из апсар-полуфигур). Беспорядочное, на первый взгляд, размещение цветов лотоса по всему полю, видимо, было продиктовано вовсе не стремлением мастера максимально использовать изобразительное пространство, оно должно проиллюстрировать не только торжественность и праздничность шествия на слоне, но и символизировать этапы жизненного пути – рождение, расцвет и угасание жизни: двум первым стадиям соответствуют нераскрывшиеся и едва раскрывшиеся цветы, а последней – увядший цветок лотоса за спиной крайней правой полуфигуры.

В религиозной философии и мифологии индуизма внимание уделено не только небесным сферам и небожителям всех рангов, но и подземному царству Патале, где царствует над умершими и судит их бог Яма, а также его обитателям. Вход в подземное царство будто бы находится в густых зарослях тропического леса, в джунглях, где-то у подножия Гималаев (?) и представляет собой водоем в виде колодца, накрытого большой крышкой. В “Махабхарате” есть описание водоема, расположенного посередине ужасного огромного непроходимого леса, полного хищных зверей. В этом “опутанном тенетами” лесу “рослые травы, жесткие, спутанные кругом покрывали” водоем-колодец. Попавший в колодец (зависнув на дереве) некто “дваждырожденный” увидел там огромного сильного Змея и огромного Слона, медленно идущего по краю крышки колодца.

Нетрудно заметить, что этому описанию входа в Паталу близка сцена, запечатленная на рогозихинском зеркале. Слон стоит на самом краю крышки, обрамляющие ее ветви пальм и других растений и трав символизируют заросли тропического леса, джунглей; священный, сакральный характер места вокруг входа в Паталу подчеркивают 106 солярных значков, расположенных в один ряд по самому краю зеркального диска; в религиозном, сакральном содержании сюжета не позволяют сомневаться и остальные солярные знаки – под головами, у рук и ног апсар, на крупе, у ног и хобота Слона и в других местах. Бесспорно, все персонажи рогозихинского зеркала – от отдельных цветков и бутонов лотоса до слона и птицы – это божества-небожители, священные животные и растения.

Таким образом, сцена, изображенная на зеркале из Рогозихи-1, во многом соответствует некоторым сюжетам эпоса Древней Индии. Это дает право предполагать, что на зеркале из Рогозихи-1 запечатлена праздничная процессия, в эпицентре которой находятся птица и слон: именно их приветствуют музыкой и танцами апсары, их осыпают цветами небожители. Процессия не стоит на месте, как может показаться на первый взгляд, она передана в движении. Эта динамика отражена прежде всего в положении задних ног слона – они расставлены, при этом животное движется не только вперед, но и по наклонной плоскости вниз, голова и передняя часть его туловища несколько ниже задней части, а передние ноги его не видны из-за валика, ибо они уже ниже крышки: иначе чеканщик и не мог показать *спуск* Слона в колодец.

Итак, мы полагаем, что на зеркале из Рогозихи-1 чеканкой изображено торжественное *сошествие* в подземное царство. *Сошествие*, но кого? На сей счет может быть высказано несколько предположений, однозначного ответа мы пока не знаем и вряд ли узнаем.

Первая версия: в Паталу спускается вещая птица-кукушка (“гукук”) с известием о смерти важного лица (может быть, владелицы зеркала?).

Вторая версия: в Паталу возвращается какая-то “птица подземного царства”, известная в религиозной мифологии.

Третья версия: едет верховное божество индуизма Индра, принявший облик птицы (он предпочитал якобы ездить на слоне).

Четвертая версия: в Паталу спускается Великая Небесная Мать (или Дева), верховная покровительница всех смертных, владеющая жизненной силой, тайной рождения и смерти. По поверью индоариев, она также могла принимать облик животного, в частности, кошки или птицы. В пользу последней версии может служить обилие цветов лотоса на изображении тыльного диска рогозихинского зеркала – культ лотоса у ариев всегда связывался с культом Великой Небесной Матери.

Отдавая предпочтение первой и четвертой версиям, мы допускаем возможность обсуждения других интерпретаций. Думается, что имеет право на жизнь точка зрения Ю.В. Ширина, полагающего, что зеркала-“погремушки” могли быть атрибутами распространенных на Востоке (от Передней Азии до Китая и Индонезии) “театров теней” [1997, с. 149 – 151].

В заключение хотелось бы высказать несколько соображений относительно символики формы и конструкции зеркала. Общеизвестно, что у многих народов мира круглое зеркало почитается как олицетворение, символ солнечного божества. Рогозихинское зеркало, особенно его лицевой, хорошо отполированный, сияющий диск, едва ли является исключением. Вместе с тем мы, как П.И. Шульга и другие исследователи, допускаем возможность рассматривать тыльный диск в качестве иллюстрации “существовавших в Индии, Афганистане, Иране и скифо-сарматском мире близких представлений о расположенной на севере у золотой вершины Мандары или Хукайрья (горы Меру, Хара, Рипы) блаженной обители богов, мудрецов и величайших героев”, т.е. трактовать зеркала-“погремушки” как “модель центра Вселенной у ариев” [Шульга, 1997, 1999]. Но мы считаем также, что тыльный диск зеркала из Рогозихи-1 можно трактовать как символ места входа в Паталу, а его центральную часть (до внешнего бортика) – как модель крышки, закрывающей этот вход. Кроме того, на наш взгляд, в зеркале из Рогозихи-1, в первую очередь в его тыльном диске, можно видеть модель колеса, а колесо (и в целом колесницу) индуисты считают символом или моделью сансары (самсары). Сансара в древнеиндийской религиозной философии – круговорот жизни, жизненный цикл от рождения до смерти. Этот круговорот жизни основан на бесконечности причинно-следственного ряда. Любопытно, что тыльный диск рогозихинского зеркала даже внешне напоминает колеса т.н. воздушных колесниц, на которых сражаются боги: конический выступ в центре тыльного диска очень похож на острый конец оси, на которой крутится колесо, а круговые валики диска – на ободья колеса. Золотое покрытие тыльного диска тоже едва ли случайно: “воздушные колесницы” богов всегда блещут золотом своих колес.

Какой из предложенных версий следует отдать предпочтение? Или появятся новые версии, новые гипотезы? Это покажет будущее.

Заключение

Зеркало из Рогозихи-1 относится к типу т.н. восточных музыкальных зеркал, небольшая серия которых найдена в женских погребениях курганов раннеже-

лезного века на территории Казахстана и Южной Сибири. Центром изготовления зеркал этого типа, вероятно, был регион, сопредельный с Северо-Западной Индией (Афганистан, Пакистан), т.е. зона расселения в I тыс. до н.э. сарматских и сакских племен. Время изготовления зеркала-“погремушки” из Рогозики-1 – вторая половина V в. до н.э.

По своему назначению зеркало является музыкальным инструментом, атрибутом жриц, исполнявших песни, пляски во время похорон и других церемоний сакрального характера. Семантика формы и орнаментации оборотного диска зеркала органично связана с религиозной мифологией индуизма, древним индийским эпосом. Основным сюжетом сложной сцены, изображенной на зеркале, по нашему мнению, является торжественное праздничное шествие, а именно *сошествие* в Паталу (подземное царство) либо Индры, либо Великой Небесной Матери (Девы), которые могли принимать облик Вещей птицы.

Список литературы

- Грязнов М.П.** Древнее искусство Алтая. – М.; Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1958. – 95 с.
- Зув В.Ю.** Ритуал очищения у скифов и массагетов в аспекте проблемы культурно-исторического единства евразийской Скифии VII – V вв. до н.э. // Маргулановские чтения. – Алма-Ата: Изд-во МВД КазССР, 1989. – С. 132 – 137.
- Кузнецова Т.М.** Восточные музыкальные зеркала // Петербург. археол. вест. – 1994. – Вып. 7. – С. 82 – 87.
- Марсадолов Л.С.** История и итоги изучения археологических памятников Алтая. – СПб.: Б.и., 1996. – 100 с.
- Махабхарата.** Нараяния. – Ашхабад: Изд-во Ылым, 1984. – Вып. 5, кн. 2: Философские тексты. – 328 с.
- Махабхарата.** Лесная, Хождения по криницам. – Ашхабад.: Изд-во Ылым, 1989. – Вып. 6. – 584 с.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине второй половины I тысячелетия до н.э. – М.: Изд-во ПНЦ РАН, 1997. – 196 с.
- Никитин Афанасий.** Хождение за три моря. 1466 – 1472. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 284 с.
- Руденко С.И.** Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 96 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
- Смирнов К.Ф.** Бронзовое зеркало из Мечетсая // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 116 – 121.
- Уманский А.П.** Рогозинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1992. – С. 51 – 59.
- Уманский А.П.** Курган раннежелезного века из урочища Раздумье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во ГИПП “Алтай”, 1995. – Вып. 5, ч. 2. – С. 110 – 118.
- Уманский А.П., Шульга П.И.** Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1999. – С. 56 – 94.
- Ширин Ю.В.** Театр теней у ранних кочевников Евразии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 149 – 151.
- Шульга П.И.** “Индийские зеркала” и женщины-жрицы на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 144 – 148.
- Шульга П.И.** Жреческие парные захоронения с зеркалами погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1999. – С. 82 – 91. – (Изв. лаб. археологии; № 4).

Материал поступил в редколлегию 18.11.02 г.